

Л. Д. Любачевская

ИЗДАТЕЛЬ «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ» С. Н. ХУДЕКОВ – ГЛАСНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Очень популярная до революции «Петербургская газета» и сейчас не забыта. К ней часто обращаются по самым разным поводам. Имя же ее издателя Сергея Николаевича Худекова знают немногие. Но даже поверхностно ознакомившись с биографией этого незаурядного человека, многогранная личность которого ярко проявилась во многих, на первый взгляд, далеких между собой видах деятельности, понимаешь, насколько это несправедливо.

Журналист и литератор, он в разных жанрах выступал в периодической печати. Отдельными изданиями выходили романы «Балетный мирок» и «На скамье подсудимых». «Он перевел и написал много драматических произведений, имевших в свое время огромный успех в столицах и провинции»¹. Знарок хореографического искусства, он «был самым близким другом знаменитого балетмейстера М. Петипа»², принимал участие в его работе. Худеков «написал несколько хореографических либретто, о чем не стремился доводить до всеобщего сведения»³, на титульных листах их прижизненных изданий имя Худекова отсутствует. Среди наиболее известных – балеты «Баядерка» и «Весталка»; второе либретто часто называли в числе лучших. Свою «Петербургскую газету» Худеков сделал «рупором постоянной критики всех выступлений танцовщиков и танцовщиц»⁴. На протяжении всей жизни Худеков кропотливо собирал рисунки, гравюры, акварели и фотографии, имеющие отношение к хореографии и истории русского балета. Эта коллекция насчитывала до 15 тысяч экземпляров и позволила Худекову создать четырехтомную монографию «История танцев всех времен и народов». По отзывам современников, «более обширного и полезного труда на русском языке (русского автора) по вопросам танца не было за все двести лет существования балета в России»⁵. Первые три тома издания вышли в 1913 – 1915 гг. Весь тираж четвертого тома сгорел в 1918 г. во время пожара в типографии Худекова. «Только у самого

¹ Плещеев А. А. Кто самый маститый русский литератор? Сергей Николаевич Худеков // Сегодня (Рига). 1927. 13 февраля. Сведения о публикации предоставлены А. Я. Лапидус (РНБ).

² Там же.

³ Материалы по истории русского балета: Прошлое балетного отделения Петербургского театрального училища, ныне Ленинградского государственного хореографического училища / Сост. М. В. Борисоглебский. Л., 1938. Т. II. С. 303.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же.

автора сохранились три экземпляра, отобранные для него метранпажем еще до пожара»⁶. Славился Худеков и как ревностный ценитель и собиратель живописи.

Все это не мешало ему быть успешным предпринимателем. Мелкопоместный дворянин из небогатой семьи, С. Н. Худеков стал миллионером. Складывается впечатление, что процветало любое дело, стоило ему за него взяться. Он разбогател, издавая «Петербургскую газету»; занявшись сельским хозяйством, и на этом поприще проявил себя необыкновенно ярко. Благодаря его усилиям, таланту и редким организаторским способностям, превратились в образцовые хозяйства не только родовое имение в селе Бутырки (Михайловский уезд Рязанской губернии), но также имение, приобретенное Сергеем Николаевичем по соседству в селе Ерлино (Скопинский уезд Рязанской губернии), и его южное имение на землях Даховского посада (Сочи). Предприниматель завел питомник сельскохозяйственных культур, плодовых и декоративных деревьев и кустарников, занялся племенным животноводством и птицеводством. Его успехи неоднократно отмечались наградами различных выставок⁷. Он накопил богатый опыт в организации выставок, занимался устройством первых школ садоводства, птицеводства и лично финансировал их. Характерно, что в эти занятия потомственный дворянин Худеков вкладывал особый смысл. Он писал: «Если дворянство разорено, если оно <...> не в силах отстоять свои родовые гнезда и продолжать вести сельское хозяйство, то нужно ли для нашей государственной жизни сохранение этого сословия? <...> Культурный смысл этого сословия только тогда целесообразен, когда оно, проживая на родной ниве, своею службою, знанием и трудом подает на месте пример дисциплины и порядка окружающей среде. <...> Потерявши почву в прямом смысле, оно теряет ее и в переносном»⁸. В Ерлине и в Сочи его заботами были заложены и выпестованы уникальные парки-дендрарии. Сейчас ведутся работы по воссозданию Ерлинского парка, Сочинский же известен всему миру.

Худеков широко проявил себя и на общественном поприще, будучи членом различных объединений – литераторов, театральных деятелей, сельских хозяев, Российского пожарного общества, Санкт-Петербургского губернского и городского попечительства о народной трезвости, Рязанской ученой архивной комиссии и многих других. Он активно трудился в органах самоуправления: его избирали предводителем дворянства Скопинского уезда Рязанской губернии, гласным Рязанского и

⁶ Аспидов Альберт. Золотоносный прииск отставного майора // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 31 авг.

В 2008 г. по оригиналу, хранящемуся в отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской театральной библиотеки, холдинг «МИЭЛЬ» осуществил репринтное издание четвертого тома. Весь тираж (500 экз.) был передан «ведущим библиотекам, театрам, музеям, хореографическим училищам России и зарубежья». См.: Холдинг «МИЭЛЬ»: Юрий Григорович получил в подарок воссозданный том энциклопедии «Истории танцев всех времен и народов» // DOMEX-Недвижимость : [web-сайт]. 2008. 30 июля. URL: <http://www.domex.ru/press/detail.php?ID=6496> (11.10.2010).

⁷ Подробнее см.: Красногорская И. Исчезнувшие Бутырки; Имена Сергея Николаевича Худекова в Рязанской губернии (Бутырки. Ерлино) в периодич. печати кон. XIX – нач. XX веков : [Библиогр.] // История, культура и традиции Рязанского края : [web-сайт]. URL: <http://history-ryazan.ru/node/2668> (11.10.2010).

⁸ Цит. по: Красногорская И. К. Петербургский Фигаро и его звездное окружение : из истории русского театра и журналистики второй половины XIX века. Рязань, 2007. С. 540. (Далее: Красногорская И. К. Петербургский Фигаро...).

Санкт-Петербургского губернских земских собраний, членом особого по делам города Санкт-Петербурга присутствия, почетным мировым судьей Михайловского и Скопинского уездов Рязанской губернии и Петербурга. Долгие годы С. Н. Худеков был гласным Санкт-Петербургской городской думы. Остается только удивляться тому, как он все это совмещал. Ведь, как убеждают исследования, он нигде и никогда не позволял себе просто «числиться».

* * *

Родился рязанский дворянин С. Н. Худеков в Москве 27 ноября (по ст. стилю) 1837 г., скончался в Ленинграде 20 февраля 1928 г.

У его родителей, Николая Матвеевича и Александры Васильевны (урожд. Сергеевой) было двенадцать детей – шестеро сыновей и шестеро дочерей. В Москве они жили в собственном доме на Тверской улице. Отец служил в Московской Казенной палате, чин имел небольшой – коллежский секретарь. По окончании 3-й Московской гимназии Сергей поступил на юридический факультет Московского университета, но началось Крымская война (1853 – 1856), и он решил, что его место на поле сражений. Сергею не исполнилось семнадцати лет, когда он был зачислен в Ряжский пехотный полк. С окончанием войны он продолжил службу и был переведен в Белорусский гусарский полк. К этому времени относятся его первые публикации: очерки из военного быта, заметки о театре и балете. Литературная деятельность нимало не мешала военной службе, а его деловые качества способствовали успешному продвижению по ней. Худеков был произведен в ротмистры и назначен старшим адъютантом в Управление генерал-инспектора кавалерии. Так с начала 1860-х гг. и до конца жизни судьба прочно связала Худекова с Петербургом.

Он сразу окунулся в культурную жизнь столицы, завел знакомства с литераторами, журналистами, стал своим в театральных кругах, с прежним успехом совмещая служение музам с воинской службой, но в 1865 г. подал в отставку. Вероятной причиной такого шага послужил перевод Худекова в Первый Восточно-Сибирский батальон. Это рушило многие его планы, связанные с Петербургом, но главное – отдаляло от родового имения, расстроившиеся дела которого требовали внимания. И получив увольнение, он отправился в Бутырки.

У столичного военного не было опыта ведения хозяйства. Может быть, именно поэтому он так смело «решил отказаться от традиционного земледелия и устроить в имении птицеводческую и животноводческие фермы», а также «организовал лабораторию по селекции растений, птиц и животных и, не находясь в ней постоянно, <...> умудрялся руководить работами и контролировать их»⁹. Сергей Николаевич внимательно следил за всем, что делается в этой новой для него сфере, самолично выписывал для своего хозяйства интересные его сорта сельскохозяйственных культур, передовые породы животных и птиц.

Все это образовывалось постепенно. А итогом 1865 года явилась женитьба, да не обычная, а с «увозом». Встретив категорический отказ отца своей избранницы, Надежды Алексеевны Страховой, Худеков – гусар, как-никак, – похитил ее прямо с танцевального вечера. Чудесным образом ему удалось обмануть бдительность Алексея Федоровича, не спускавшего с дочери глаз, умчать ее к венцу и увезти в Петербург. Для отказа у отца была причина веская: матери Сергея и Надежки были родными сестрами. Но прошло время, родились внуки – и гнев сменился на милость.

⁹Красногорская И. К. Петербургский Фигаро... С. 51, 56.

Худековы вырастили троих сыновей: Николая, Алексея и Сергея. Четвертый родившийся ребенок умер в раннем детстве. Еще в семье воспитывалась племянница и два приемных мальчика. Супругов объединяли не только сильное чувство, но и общие интересы. Надежда Алексеевна тоже занималась сочинительством, любила и понимала театр. Да и в занятиях сельским хозяйством она была рядом с мужем. В этом у нее были и собственные достижения, отмеченные наградами различных выставок.

Необходимость содержать семью на некоторое время вернула Худекова на военную службу. В 1869 г. он окончательно вышел в отставку в чине майора и вскоре приобрел «Петербургскую газету», первый номер которой под его началом вышел 1 августа 1871 года.

До Худекова эта освобожденная от предварительной цензуры весьма благонамеренная газета особой популярностью не пользовалась и приносила убытки. Новый владелец решил изменить направление издания, даже попытался придать ей несколько оппозиционный характер, но цензура этому воспрепятствовала¹⁰. Впрочем, и без того Худеков рисковал – прежних подписчиков терял, а новых надо было еще завоевать. Обучаясь на ходу, через отчаяние и безденежье, он шаг за шагом продвигал новое дело. Новый издатель хотел, чтобы его газету читали люди самых разных слоев. А. Р. Кугель, ее многолетний сотрудник, отмечал, что газета «распадалась на две части, в одной печатались в литературном отношении хорошие статьи, – в другой подбирался материал хроники по вкусу невзыскательного, уличного читателя»¹¹. Из-за этой второй части газета приобрела репутацию «бульварной». Значительное место в ней занимали происшествия, уголовная хроника, развлекательное чтение. Людей образованных это раздражало, они прозвали «Петербургскую газету» «петербургской сплетницей». Тем не менее Худеков, стремясь сделать газету доходной, одновременно старался развивать вкус своих читателей. «Петербургская газета» печатала рассказы начинающего А. П. Чехова, с ней в разное время сотрудничали Н. С. Лесков, Н. А. Лейкин, И. Н. Потапенко, В. А. Соллогуб, Вас. И. Немирович-Данченко, уже упомянутый А. Р. Кугель, М. И. Пыляев, А. А. Плещеев¹², А. А. Бахтиаров, И. И. Ясинский и многие, многие другие. Постоянным сотрудником газеты была Надежда Алексеевна Худекова, публиковались рассказы ее единокровной сестры Лидии Авилловой, известной позднее своими воспоминаниями об А. П. Чехове.

Усилия Худекова были вознаграждены сторицей. За четверть века тираж газеты вырос с 600 до 24.000 экземпляров. В 1893 г., когда Сергей Николаевич избрали предводителем дворянства Скопинского уезда Рязанский губернии, он возложил редактирование газеты на старшего сына Николая, оставив за собой общее руководство.

В Петербурге Худекову принадлежали два дома. Вся семья проживала на Стремянной улице в доме № 10. В двухэтажном особняке первой трети XIX в., который Сергей Николаевич надстроил, в обновленных интерьерах (гр. инженер Б. Я. Зонн) устраивались «субботы Худекова». Упоминается этот адрес и как место проведения заседаний Общества попечения о бедных учениках и ученицах, окончивших курс в городских начальных училищах Санкт-Петербурга, в котором

¹⁰ См.: Петербург газетный: 1711 – 1917. Тюмень, 2009. С. 184 – 188.

¹¹ Цит. по: Красногорская И. К. Петербургский Фигаро... С. 435.

¹² А. А. Плещеев – сын поэта А. Н. Плещеева. Его сестра Люба, дочь А. Н. Плещеева от второго брака, в 1894 г. вышла замуж за старшего сына С. Н. Худекова, Николая.

Н. А. Худекова была председателем, а Николай Худеков – ее помощником¹³. После революции в особняке разместился театр В. В. Шимановского¹⁴. Виктор Владиславович Шимановский дружил с Есениным, и 15 апреля 1924 г. в студии проходил авторский вечер поэта. Впоследствии в здании были обычные коммунальные квартиры. В 2000 г., благодаря сохранившимся интерьерам, дом Худекова был включен в перечень вновь выявленных объектов культурного наследия¹⁵, однако он разделил печальную судьбу своих соседей по Стремянной. Из-за строительства подземного комплекса гостиницы «Невский Палас» дома дали угрожающую неравномерную просадку, были расселены и... переданы под расширение отеля. Теперь бывший дом Худекова на Стремянной улице бросается в глаза хай-тековским треугольным эркером, таким неуместным в районе старой застройки! Впрочем, авторы реконструкции (мастерская «Евгений Герасимов и партнеры») уверяют, что в зоне, находящейся под охраной КГИОП, проведены необходимые реставрационные работы и «в помещениях третьего этажа можно будет проводить вечера камерной музыки и литературные вечера»¹⁶. Другой особняк Худекова на Владимирском пр., 12 арендовал «Приказчиный клуб» Купеческого общества взаимного вспоможения. Сейчас в нем расположен Санкт-Петербургский академический театр им. Ленсовета, В дворе флигеле этого здания Худековым была оборудована типография.

Конец жизни С. Н. Худекова представляется чередой потерь. В 1912 г. в Кельне умер его старший сын Николай. В мае 1918 г. оба особняка Худекова были муниципализированы и Сергей Николаевич с женой уехал в Ерлино. Супруги не сомневались в миролюбии местного населения, недаром же ураганы первой русской революции обошли хозяйство Худековых стороной.¹⁷ Увы, прямо на их глазах имение подверглось дикому и бессмысленному разгрому. Сергей Николаевич чуть не погиб, пытаясь урезонить толпу, и вынужден был вернуться в Петроград¹⁸. «Издательство и типографию он передал сыновьям – Алексею и Сергею. А вскоре власть над газетой перешла к избранному на общем собрании сотрудников и рабочих “редакционному комитету”. За противодействие рабочему контролю был аре-

¹³ См. историко-культурный интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга». URL: <http://www.ensspb.ru/ru/article.php?kod=2806468951>

¹⁴ О театре-студии В. В. Шимановского см.: Вышеславцева С. «Приходите поговорить о поэзии...» // Аврора. 1975. № 10. С. 70 – 72.

¹⁵ См.: Историческая застройка Санкт-Петербурга : Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий) : Справочник. СПб., 2001. С. 410.

¹⁶ «Невский палас» расширяет владения // Горячая линия недвижимости : [web-сервер]. URL: <http://www.reline.ru/cgi-bin/event.pl? =563> (11.10.2010).

¹⁷ «Ерлинцы так искренне благодарили Худекова за школу, построенную и содержавшуюся на его средства, за то, что в имении всегда есть для них хорошо оплачиваемая работа <...>. Они считали его хозяином строгим и требовательным, но справедливым, отзывчивым на горе и нужды своих работников <...>. У него не было оснований сомневаться в их доброжелательности». (Красногорская И. К. Тень Никии в Ерлинском парке : Док. повесть. Рязань, 2004. С. 312).

¹⁸ «“Не громите имена, все это ваше. Ничего не ломайте, вы так не постройте. Все это ваше, я ничего с собой не возьму”. Но успевшие опустошить винный погреб, находившийся под домом (с него и начали дележ), вошедшие в пьяный раж мужики не вняли увещаниям и почему-то подожгли дом. Кое у кого появилось желание утопить в пруду ставшего враз ненавистным хозяина». По свидетельству местных жителей, спас его и помог Худековым перебраться в Скопин местный священник. (Там же. С. 312 – 313).

стован Алексей Худеков. История эта завершилась пожаром в типографии в августе 1918 года, после которого газета перестала выходить»¹⁹. После возвращения в Петроград Худеков «поселился в трехкомнатной квартире у младшего сына Сергея в доме № 18 по Пушкинской улице»²⁰. Лишился Худеков и своей знаменитой коллекции живописи, судьба ее пока неизвестна. Но все потери этого года затмила смерть в Скопине Надежды Алексеевны, не выдержавшей выпавших на их долю несчастий.

«О последних годах жизни бывшего миллионера сообщают семейные предания. С рабочего стола в своей комнате он убрал все, кроме портрета Надежды Алексеевны и Евангелия»²¹. Но по свидетельству А. А. Плещеева, он продолжил работу над «Историей танцев». «Одиночество Сергея Николаевича, вернее, оторванность от какой-нибудь литературно-театральной работы, от литературно-театральной семьи, ему особенно тяжелы»²².

О смерти Худекова, последовавшей 20 февраля 1928 г., сообщила «Красная газета». Он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Его средний сын, Алексей Сергеевич, уехал в Скопин, преподавал в школе английский язык. Был убит вместе со второй женой (с первой он развелся). Они похоронены вместе на Скопинском городском кладбище. Младший, Сергей Сергеевич, пять лет отбывал ссылку в Казахстане. Его дальнейшая судьба пока не известна»²³.

* * *

Натура С. Н. Худекова ярко проявилась и в должности гласного (депутата) столичной думы (1889 – 1917). В основу исследования этой стороны его деятельности легли «Известия Санкт-Петербургской городской думы»²⁴. Много удалось почерпнуть из «Петербургской газеты»: с избранием Худекова она внимательно следила за всем, что происходило «под думской каланчой», как называлась одна из появившихся тогда рубрик. Рамки исследования пока ограничены 1904 годом²⁵. За этот период Худеков избирался в городскую думу трижды: в 1889 г., в 1893 г. (в конце 1893 г. он был избран Скопинским уездным предводителем дворянства и сложил с себя звание гласного) и затем вновь прошел в столичную думу на выборах 1897 года. Но прежде всего необходимо сказать несколько слов о самой думе.

Согласно Городовому положению 1870 года, «общественное управление строилось на началах всесословности, выборности и самоуправления»²⁶. Совещательным органом была дума, исполнительным – подотчетная ей управа. Дума состояла из 252 гласных, которые избирались на четыре года. В дополнение к основному составу избирались кандидаты, по мере необходимости заменяющие выбывших гласных. Председателем думы и главой управы был городской голова.

¹⁹ Аспидов Альберт. Восемьдесят лет спустя. О поучительной судьбе «генерала от журналистики и словесности» // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 20 авг.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Плещеев А. А. Кто самый маститый русский литератор? Сергей Николаевич Худеков.

²³ Сведения предоставлены исследователем Т. В. Петровой, вице-президентом фонда им. С. Н. Худекова.

²⁴ Известия Санкт-Петербургской городской думы. СПб., 1863 – 1917. Далее в тексте и примечаниях указание только на год выпуска, номер и страницы.

²⁵ Результаты исследования размещены на сайте «История, культура и традиции Рязанского края». URL: <http://history-ryazan.ru/node/273>.

²⁶ Петербургская городская дума, 1846 – 1918. СПб., 2005. С. 21.

Вопреки принципу всесословного представительства, в Петербургской думе преобладало купечество. Дело в том, что избирателями были городские налогоплательщики, а их круг тогда ограничивался содержателями торгово-промышленных заведений, рядом учреждений, делегировавших в думу своих доверенных лиц, и владельцами городской недвижимости. А большинство петербуржцев проживало на съемных квартирах²⁷. Квартиросъемщиками являлась и значительная часть образованного населения – как разночинная интеллигенция, так и «дворяне, в большом числе переселявшиеся в пореформенный период из провинции в город для поступления на государственную службу. Парадоксальность положения видели в том, что избирательным правом наделялись владельцы жалких хибар и лотошники, уплачивающие копейки за право торговли вразнос, в то время как достаточно состоятельные люди, имевшие возможность нанимать комфортабельные, дорогостоящие квартиры, такого права не получали»²⁸. Число избирателей было относительно невелико²⁹.

Влияние малоимущего населения на формирование состава думы ограничивала трехразрядная система голосования³⁰. С. Н. Худеков был избирателем второго разряда, а избирался – по третьему в Московском избирательном участке. (1889. № 12. С. 16)

Конечно, в думе, призванной «решать сложные муниципальные проблемы <...> крупнейшего торгово-промышленного и культурного центра страны <...> было немало гласных, ответственно относящихся к своим обязанностям, готовых применить на пользу города свои знания и профессиональный опыт». Однако наличие «значительной прослойки из малокультурных слоев общества – трактирщиков, мелочных торговцев и т. д. (пресса окрестила их “черной сотней”) – весьма сильно сказывалось» на ее работе. «Именно эта часть гласных, умевших действовать сплоченно, нередко становилась серьезным препятствием для претворения в жизнь полезных и важных для города начинаний»³¹.

Разные позиции в решении вопросов городского хозяйства привели к образованию в думе двух группировок. С. Н. Худеков был активным сторонником так называемой «новодумской партии», трибуной которой стала его «Петербургская газета». Он был автором одной из двух редакций программы этой партии, представленной ею накануне выборов 1903 года³².

²⁷ В Петербурге в 1890 г. из 115.000 заселенных квартир 98.000 были платными, средняя годовая плата колебалась от 1.145 р. в Адмиралтейской части до 178 в Выборгской, 347.500 человек проживали по комнатам и углам в 53.000 наемных квартирах. (ИСПГД. 1892. № 37. С. 580 – 581). Особняк на Стремянной, д. 10 Худеков приобрел в конце 1880-х гг., до этого он тоже снимал квартиру.

²⁸ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984. С. 82.

²⁹ По данным на 15 дек. 1889 г. в Петербурге проживали 924.466 человек, избирательным правом были наделены 17.381 (с представителями учреждений – 17.854). (1890. № 50. С. 1114; 1892. № 31. С. 49).

³⁰ Список избирателей составлялся в порядке уменьшения городского налога и разбивался на три части так, чтобы суммарные платежи каждой из них были одинаковы. От каждого разряда избиралось одинаковое число гласных. В 1889 г. избиратели, включая представителей от учреждений, распределились по разрядам следующим образом: 1-й – 199 человек (размер годовых выплат: 11.994 – 1.631 руб.), явились на выборы 164; 2-й – 724 (1.627 – 504 руб.), явились 569; 3-й – 16.931 (502 руб. – коп.), явились 5.091. (1892. № 31. С. 50).

³¹ Петербургская городская дума. С. 52.

³² См.: Программа «новодумской партии» по 1-му разряду // Народное хозяйство. 1903. Книга VI. С. 225 – 227.

Новодумцы противостояли консервативному большинству, прозванному «стародумской партией». «Стародумцы <...> обвинялись не только в неспособности вести городское хозяйство, но и в преступном небрежении к городским интересам»³³. В противостоянии с ними новодумцы подчеркивали, что руководствуясь «только общественным благом», стремятся «гласно и открыто служить истинным интересам массы петербургских обывателей», не исключая «и тех окраин, где ютятся беднейшие классы», и не принимают совмещения «какого бы то ни было участия в “хозяйственных оборотах” с служением истинным общественным интересам»³⁴.

Стародумцев этого периода называли сангалиотами по имени их лидера Ф. К. Сан-Галли. В 1908 г. в посвященном ему некрологе «Петербургская газета» напомним, что в прошлом он «являлся оплотом консервативной партии <...> Ф. К. Сан-Галли принадлежит идея сплочения гласных на почве частных собраний. В его роскошных апартаментах на Лиговке долгое время было филиальное отделение городской думы. Все вопросы находили здесь предварительное решение. Гласные партии большинства являлись на выборы с готовым уже мнением». Эти частные собрания прозывали «маленькой думой» или «лиговской думой». Отдавая справедливость их главе, газета отметит, что при Сан-Галли «консервативная партия имела гораздо более видных и талантливых представителей, чем теперь. У нее были великолепные ораторы и не плохие работники»³⁵. На выборах 1893 г. Сан-Галли был забаллотирован, и «маленькая дума» распалась с тем, чтобы на иных началах возродиться после 1904 г., – и тогда новодумцы это приняли, убедившись, что подобная организационная форма способствует более слаженной работе выборного органа.

Исследователи полагают, что эти две думских партии сформировались перед выборами 1893 года³⁶. Но это произошло раньше – и, видимо, вне ее стен. В упомянутом некрологе рассказывается о борьбе сангалиотов «с теми новыми элементами, какие олицетворял собой вождь и вития того времени Г. Н. Шауман с своим ближайшим сподвижником Е. И. Кедринным. За этими двумя <...> ораторами шла “обновленная кредитка”, только что пережившая серьезнейшие потрясения вследствие вторгшихся в нее нечистоплотных деятелей»³⁷. Надо заметить, что упомянутый здесь Шауман состоял гласным только до 1893 года³⁸. Еще 29 марта 1889 г. в заметке «О выборах» «Петербургская газета» заметила: «“Стародумской” партии не везет. Выборы по Московскому избирательному участку окончились для нее

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Новодумские толки // Петербургская газета. 1893. 7 июня. С. 1. (Далее – Пб. газета).

³⁵ Смерть «чугунного короля» // Пб. газета. 1908. 19 июля. С. 1 – 2.

³⁶ См., напр.: Петербургская городская дума. С. 32 – 33, 57 и 432.

³⁷ Имеется в виду Санкт-Петербургское городское кредитное общество. Отставной полковник Григорий Николаевич Шауман (1841 – 1896) – один из его четырех директоров, председатель правления (1885 – 1896).

³⁸ В 1893 г. избрание в думу Г. Н. Шаумана было отменено Особым по городским делам присутствием (см.: ИСПГД. 1893. № 18. С. 697 – 699). С 1893 г. во главе новодумцев стоял Е. И. Кедрин.

Евгений Иванович Кедрин (1852, Херсон – 1921, Париж) – присяжный поверенный, из дворян. Участвовал в политических процессах, в частности, защищал Г. Лопатина, А. Михайлова, С. Перовскую. Один из руководителей кадетской партии, депутат I Государственной думы. Отсидев три месяца в тюрьме за подписание Выборгского воззвания, потерял право на участие в городской думе и земстве. Министр юстиции Временного правительства Керенского. В 1919 г. эмигрировал.

полной неудачей. <...> “Стародумцы”, жаждавшие попасть в гласные, были буквально закиданы черняками».

Впрочем, эта заметка – единственное встреченное свидетельство подобного рода: позиция газеты по отношению к думе проявлялась скорее насмешливым тоном, чем прямой критикой. Все изменил так называемый «хлебный скандал»³⁹. Порожденное им общественное негодование прорвало плотину молчания: то, на что прежде лишь намекали, вылилось на страницы прессы, которая осыпала думу обвинениями. Заседания думы, когда разбирались обстоятельства этого дела, проходили с аншлагом: «Ни одного свободного места для гг. гласных. Переполненные публикой хоры. <...> Забраться на хоры надо было спозаранку, потому что едва экзекутор открыл туда двери, как все места взяты были с бою, точно в лучшие времена итальянской оперы. В дверях, ведущих на хоры, была невероятная давка»⁴⁰. Когда же итоговое голосование «свело всю эту несчастную историю с мукой к простой ошибке», в печати открыто заговорили о «партии думского большинства», ведомой группой «дельцов, фактически захвативших в руки все петербургское самоуправление, а заодно с ним и все живоносные артерии экономической жизни столицы» и добивавшихся поддержки «разных управских прихвостней, подрядчиков и черносотенного серого люда» не столько убеждением, сколько посулами и прямым подкупом⁴¹. Оппозиция была последовательна, и несъедобный хлеб не попал на столы горожан. Возмещен был и финансовый убыток⁴². С. Н. Худеков также участвовал в обсуждениях, с присущим ему пылом выступая и в думе, и в газете.

* * *

Невозможно даже в кратком изложении осветить все эпизоды думской деятельности С. Н. Худекова за исследуемый период 1889 – 1904 гг., но на некоторых характерных хочется остановиться.

³⁹ В 1891 г. в России от неурожая пострадали 17 губерний. Для предупреждения роста цен на хлеб по предложению городского головы В. И. Лихачева 10 июля 1891 г. Петербургская дума открыла управе кредит на закупку ржаной муки. Исполнители с поручением не спешили: ожидался Высочайший указ, запрещающий вывоз хлеба за границу, и они надеялись, что рост цен остановится сам. 28 июля указ вышел, но он вступал в действие с 15 августа и обходил запретом Архангельск. И хотя с 1 сентября закрыли и его, экспорт зерна в августе побил рекорды, достигнутые в урожайные годы. Только после напоминания градоначальника (20 сент.) и возвращения 23 сентября из отпуска Лихачева управа приступила к закупке – спешно, не считаясь с ценой, превысившей в итоге цены Калашниковской биржи, и скрытно, не отвечая на многочисленные запросы обеспокоенных гласных. Но до скандала, возможно, не дошло бы, если бы командированный в Либаву не сведущий в подобных операциях член управы Ниман не доверился случайному человеку, комиссионеру Пухерту, поставившему в Петербург партию непригодной к использованию муки, представлявшей собой «смесь отрубей, шашеры (мелкий сорт отрубей), неперемолотого зерна, кожуры и всего, чего угодно, но только не муки. При анализе этой смеси на хлороформ получился громадный осадок неорганических веществ, вероятно, извести или песку!» (Гласный [С. Н. Худеков]. Хлебный мираж // Пб. газета. 1891. 16 дек. С. 1).

⁴⁰ Пб. газета. 1891. 19 дек. С. 2. Экзекутор (от лат. *executor* – исполнитель) – здесь: чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за внешним порядком в канцелярии.

⁴¹ См.: Дебютант [А. Р. Кугель] За кем черед? // Пб. газета. 1892. 15 мая. С. 1 – 2.

⁴² На закупку «пухертовской муки» было затрачено 320.000 р. От продажи ее на корм скоту выручили 201.000 р. Убыток в 119.000 р. был полностью покрыт управой из личных средств. (Пб. газета. 1893. 18 марта. С. 2).

Первое упоминание его имени в связи с работой думы относится к заседанию 27 сентября 1889 г., и с этого времени он активный участник думских заседаний⁴³. Свойственный Худекову хозяйственный подход проявился сразу. Он не только соизмерял свои предложения с возможностями города, но и сам думал о способах сэкономить или даже пополнить городской бюджет.

Возможности городского самоуправления, при множестве лежавших на нем обязанностях, были ограничены скромными размерами городской казны. А она до 1890-х гг. пополнялась почти исключительно налогами и сборами, поскольку прибыль от городских предприятий, скотобоев в доходной части бюджета не превышала пяти процентов⁴⁴. Поэтому был так важен переход в городскую собственность высокодоходных водопроводных предприятий по завершении в 1914 г. контрактов с их владельцами. Однако ситуация с водоснабжением сложилась такая, что дума решила выкупить их уже к 1891 г. – «не ради извлечения из дела денежных, для городской кассы, выгод, а в видах санитарных и противопожарных» (1891. № 9. С. 597). Водопроводная вода была постоянным источником опасных инфекций: мутная, с дурным запахом; она и подавалась с перебоями, особенно на верхние этажи. Но прибыль водопроводных компаний от этого не уменьшалась, и поэтому на претензии города и недовольство жителей они не реагировали. Только путем многолетней судебной тяжбы город добился строительства Центрального фильтра, улучшившего качество воды в «незаречных» частях города (между Невой и Обводным каналом).

Центральную водопроводную сеть и решили выкупить первой. По договору с Акционерным обществом Санкт-Петербургских водопроводов город должен был в этом случае ежегодно до 1914 г. уплачивать владельцу сумму, равную среднегодовой прибыли от предприятия. В заседании 23 ноября 1890 г. С. Н. Худеков обратил внимание гласных на то, что такой способ выкупа подобен краткосрочному займу на 23 года. Он предложил вместо этого «устроить заем долгосрочный на 50 лет, с уплатой Обществу всей суммы сразу». Тогда ежегодно «придется уплачивать меньшую цифру, которая еще может значительно уменьшиться при расчете процентов» (1890. № 40. С. 521 – 522). В думе нашлось немало противников этого предложения, но его поддержала финансовая комиссия думы и управа. Сопоставив варианты, они пришли к заключению, что «выгода города от единовременной уплаты <...> выкупной суммы не подлежит сомнению» и заем следует «признать полезным и желательным», поскольку он «мог бы послужить вместе источником и на покрытие расходов по устройству водопроводной сети за Обводным каналом и вообще на улучшение и расширение водопроводного дела» (1891. № 11. С. 818). Общество городских водопроводов также предпочло получить всё сразу, согласившись на сумму 9.969.700 рублей вместо 17 миллионов в течение 23 лет. И 2 июля 1891 г. было получено Высочайшее соизволение на «облигационный 4¹/₂ % заем в 12.500.000 рублей». (1891. № 17. С. 399; 1892. № 1. С. 27)

⁴³ См.: Пб. газета. 1889. 28 сент. С. 2. Первое заседание думы после выборов в новом составе состоялось 21 апреля, а с 23 апреля «Пб. газета» публиковала репортажи Худекова со Всемирной Парижской выставки. Несмотря на то, что Городской закон 1870 г. не требовал посещения всех заседаний и служба гласных считалась добровольной, такие пропуски у Худекова были не часты. Но так работали не все: из-за отсутствия кворума голосования нередко – и порой по нескольку раз – переносились с одного заседания на другое. В результате отложенные дела копились и их решение растягивалось на годы.

⁴⁴ Подробно о бюджете Петербурга в 1873 – 1900 гг. см.: Петербургская городская дума. С. 65 – 89.

Но не все принималось так легко. В заседании 7 марта 1890 г. С. Н. Худеков предложил «возбудить вопрос об обложении тотализаторов в пользу города каким-либо налогом» (1890. № 10. С. 702 – 703). Дело в том, что повсеместно действовавший запрет на азартные игры тотализатора не коснулся, а специальное министерское распоряжение, установившее правила игры на нем, даже упрочило его положение. Это беспокоило общество, так как «разоряются семейства и даже торговые фирмы, а преступления растрат увеличиваются». Но во главе «государственного коннозаводства стояло высокопоставленное лицо, которое беговые и скаковые общества умели эксплуатировать в свою пользу»⁴⁵. Петербургская дума постановила «выразить обществу конского бега пожелание городского общественного управления о том, чтобы тотализатор был совершенно закрыт», но это пожелание не было услышано. Однако, и предложение Худекова было отвергнуто: «Ходатайство о налоге с такого предмета, который дума приравнивает к запрещенным азартным играм, не представляется возможным возбуждать» (1890. № 30. С. 540). Дебаты были жаркими, Худеков приводил один довод за другим: «Нам говорят, что тотализатор – дело безнравственное. <...> Разве кабак – нравственное учреждение? Между тем с него город имеет крупный доход и о нравственности не заикается. <...> Если тотализатор безнравственен – можно просить его уничтожить, а пока он существует, с него следует, как и с других коммерческих предприятий, взимать сбор»⁴⁶. Дума все же проголосовала за введение налога, но дальнейшего хода ее решение не имело. Годы шли, тотализатор продолжал беспрепятственно действовать и оставалось лишь сетовать на то, «сколько мимо рта уплыло уже тысяч рублей с того момента, когда об этом налоге <...> был возбужден вопрос в думе»⁴⁷.

Предложение Худекова обложить особым городским сбором на благотворительность доходы с театральных зрелищ и увеселений, сделанное им 20 февраля 1891 г., было продиктовано стремлением «придумать новые источники доходов, которые не ложились бы тяжелым бременем на карман обывателей»: «Человек достаточный несет известные копейки в пользу неимущих, не имеющих возможности веселиться. <...> Когда платят 2 р. за вход, 5 коп. ничего не значит заплатить» (1891. № 10. С. 703 – 704). Это заявление, переданное для предварительного заключения, «мирно лежало под сукном управских столов и только через 1½ года было внесено в думу»⁴⁸ – сразу после того как исключительное право на этот вид отчислений было предоставлено Ведомству учреждений Императрицы Марии Федоровны. Дума посчитала, что городской сбор в этом случае едва ли будет разрешен, и отклонила предложение Худекова. В 1899 г., когда соотношение сил в думе было уже другим, Худеков повторил свое предложение, отметив, что ежегодный сбор на ведомство Императрицы Марии Федоровны в Петербурге составляет 247.000 рублей⁴⁹. Управа, комиссия по благотворительности, собрание думы – все нашли это предложение «своевременным и целесообразным»: «установление <...> нового городского сбора не может причинить какой-либо ущерб доходам, получаемым ведомством учреждений Императрицы Марии». Решено было ходатайствовать перед правительством

⁴⁵ Кочет. Новый поход на тотализатор // Пб. газета. 1908. 20 янв. С. 10. Речь идет о главе государственного коннозаводства графе Илларионе Ивановиче Воронцове-Дашкове, министре императорского двора и уделов, близком друге Александра III.

⁴⁶ Пб. газета. 1890. 27 окт. С. 2.

⁴⁷ С – ков [С. Н. Худеков]. Ежедневник. 7-го декабря // Пб. газета. 1898. 8 дек. С. 3.

⁴⁸ Пб. газета. 1899. 17 окт. С. 2.

⁴⁹ Там же. 13 окт. С. 2.

о его введении, но это ходатайство было отклонено (1899. № 1. С. 69; 1900. № 6. С. 634).

Худеков также предлагал допустить использование в уличной мелочной торговле «ручных повозок-двухколесок (летом) и ручных санок (зимой)». Смысл его предложения сводился не только к тому, что это нововведение способно благоприятно отразиться на городском бюджете. Разрешенный в то время «способ торговли с лотков и корзин, носимых на голове», он назвал примитивным, обрекающим «лиц, занимающихся им, на своего рода невольническое самоистязание и нанесение своему здоровью самого опасного вреда <...> на неизбежное почти обмораживание рук» зимой. Такой «бесчеловечный способ разносной торговли убивает ее». Предлагаемая же им мера «оживила бы этот род торговли», привлекла бы к нему тех, кому возраст или нездоровье не позволяли зарабатывать иным способом, способствовала бы «облегчению условий жизни в нашей столице для тех масс недостаточного населения, заботы о нуждах которых входят в область задач городского самоуправления. <...> Торговец вразнос всегда в состоянии продавать свой товар по значительно более низкой цене, чем торговец из закрытого торгового помещения. Кроме того, при дальнейшем своем развитии, разносный торг окажется настоящим благодеянием для обывателей наших окраин, которые теперь находятся в своего рода кабале у лавочников-монополистов» (1893. № 43. С. 1190 – 1192).

Худеков внес это предложение в конце 1893 г., незадолго до того как отказался от звания гласного. Обсуждение в думе проходило в 1897 г. уже без него. Большинство высказалось «за», и был разработан проект соответствующего обязательного постановления. Но градоначальник и члены особого присутствия опротестовали проект. Они считали, что санки и тележки «будут мешать движению экипажей и проходу пешеходов, в особенности при остановках для продажи товара и расчета с покупателями <...> Несомненно, что разрешение подобного торга <...> отразится выгодами для городской кассы, но несравненно большими невыгодами – на торговле из постоянных помещений <...> Указание на трудности ноши товара – относительно, ибо от самого разносчика зависит нагружать себя более или менее и беречь свои силы пополнением лотка по мере распродажи товара» (1893. № 43. С. 1197). Кроме того, противники проекта заявляли, что нововведение противоречит действующему положению о прямых налогах, в котором развозная торговля в границах города не предусмотрена. Дума не признала справедливым этот пункт претензий и постановила обжаловать его в Правительственном Сенате. С введением нового положения о промысловом налоге, допускавшего в городе оба вида уличной торговли, необходимость в обжаловании отпала и новое обязательное положение «о торговле вразнос и в развоз с ручных тележек» было принято (1900. № 29. С. 1141 – 1147).

В заботах о нуждах малоимущих Худеков всегда поддерживал других гласных и вносил собственные предложения. Например, необычайно студеной зимой 1892/93 г., когда в думе обсуждались меры по охранению людей от мороза, он предложил устроить даровые чайные и нанять помещения для обогрева замерзающих людей. Это предложение не было принято (1892. № 44. С. 1219). Как председатель Русского общества птицеводства Худеков предложил думе организовать бесплатное посещение учащимися городских начальных училищ устроенной этим Обществом выставки с целью «распространения <...> знания по предмету птицеводства, столь доступного для юношества» (1891. № 16. С. 242).

В заседании 1 декабря 1889 г. Худеков предложил разрешить женщинам подниматься на империал конки, поскольку проезд там стоил дешевле – четыре копейки против шести внутри вагона: «За границей катаются женщины без всяких стеснений на верху конки, и никто тому не удивляется. У нас такое запрещение могло еще иметь смысл в те времена, когда на конках не было витых лестниц (на Садовой ул.), но теперь они имеются везде»⁵⁰. Большинство поддержало С. Н. Худекова. Однако к противникам его предложения присоединилась администрация: положительное решение думы опротестовал градоначальник, а такое же повторное – Особое по городским делам присутствие⁵¹. Камнем преткновения оказались именно лестницы, неудобные и очень крутые. Худеков ошибался, полагая, что прямые заменены на витые повсеместно. Очевидно, легче было запретить, чем использовать право думы обязать общество конно-железных дорог завершить замену. Отчасти, опасались падения с лестниц, но больше говорили о грубости местных нравов и о возможных «скандалах, безнравственных сценах и оскорблениях женщин», пожелавших подняться наверх (1890. № 11. С. 20 – 21): «Такого уважения к женщине, какое существует в Европе, не только по всей Российской империи, но и в столице ее, Петербурге, не найти»⁵². Дума обжаловала решение Особого присутствия в Правительствующем Сенате, и там ее поддержали. Оставалось «снестись с правлением конно-железных дорог в С.-Петербурге относительно переделки вагонных лестниц, необходимой для осуществления упомянутого мероприятия» (1892. № 41. С. 934.), что и было возложено на управу. Но там не торопились. Лишь в начале XX в. выяснилось, что «как устройство лестниц, так и нынешний разумный покрой женского платья совершенно устраняют возможность видеть женскую ногу выше того, что дозволяется требованиями приличия, и потому к дальнейшему запрещению женскому полу подниматься на империал нет оснований» (1902. № 4. С. 524). Окончательное решение было вынесено 29 ноября 1902 г., и с мая 1903 г. женщины уже свободно разъезжали по городу на верху конок (1902. № 40. С. 2178)⁵³.

Думские комиссии, в которые Худекова избирали уже в первое его четырехлетие, по преимуществу были социально направленными. В исполнительной комиссии по народному образованию в обязанности гласного входило регулярное посещение бывших на его попечении десяти начальных училищ. Он должен был наблюдать за воспитательным и учебным процессом, «за хозяйственной частью вообще, удобствами помещения в санитарном и других отношениях», «вникать во все нужды <...> и докладывать членам комиссии о всех проблемах, требуя их решения» (1893. № 3. С. 179; № 32. С. 313). В правительственной комиссии по наблюдению за местами заключения Худеков осуществлял надзор за домом предварительного заключения и за городской тюрьмой (1893. № 32. С. 340). Члены этой комиссии, «не участвуя в управлении вверенными их попечению тюрьмами», обя-

⁵⁰ Пб. газета. 1889. 2 дек. С. 2.

⁵¹ Особое по городским делам присутствие – надзорный орган, рассматривавший решения думы, опротестованные градоначальником или полицейским ведомством. Состоял из градоначальника (председатель), вице-губернатора, управляющего казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя столичного съезда мировых судей, председателя губернской земской управы и городского головы (см.: Петербургская городская дума. С. 23).

⁵² Пб. газета. 1890. 24 мая. С. 2.

⁵³ См. также: Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890 – 1910-х годов : Записки очевидцев. СПб., 1999. С. 284.

заны были наблюдать «за всеми сторонами управления и хозяйства» в них, принимать «от арестантов просьбы, заявления и жалобы, относящиеся до порядка содержания в тюрьмах», входить «в сношение с комитетами и отделениями общества попечительного о тюрьмах и частными обществами по предметам, относящимся до попечения об освобождаемых из тюрем и детях арестантов» (1891. № 1. С. 63).

Худеков был причастен к выбору места для первого городского ночлежного дома, возведенного в память императора Александра II «на городские средства и на капитал в 20 т. р., пожертвованный общим собранием С.-Петербургского городского кредитного общества 2 апреля 1881 года» (1889. № 1. С. 1054). Для него предназначался участок на окраине, на Забалканском проспекте против Новодевичьего монастыря⁵⁴. 22 ноября 1889 г., когда в думе обсуждался проект здания, С. Н. Худеков и гласный Н. В. Мерц предложили для него площадь у Никольского рынка, «так как, с постройкой тут ночлежного дома, уничтожались бы деревянные навесы обжорного ряда» (1891. № 24. С. 836)⁵⁵. Издавна на этом месте сложилось некое подобие биржи труда: приезжавший в столицу на сезонные работы рабочий люд во множестве толпился тут в ожидании нанимателей. Поначалу этот вариант был отклонен: посчитали, что постройка здесь ночлежного дома «будет удобна для ночлежников, но не будет в интересах благоустройства площади» (1891. № 24. С. 823). Однако и на Забалканском проспекте строительство не развернулось. Видимо, из-за недостатка городских средств в 1894 г. управа предложила приспособить под ночлежный дом уже имеющееся городское здание у Московских ворот, использовав для этого только пожертвование кредитного общества «с наросшими на эти деньги процентами»⁵⁶. Но потом деньги, должно быть, появились, потому что 14 июня 1896 г. дума решила «немедленно приступить к самой постройке», отдав предпочтение Никольской площади (1898. № 4. С. 861)⁵⁷.

* * *

В 1892 г. было издано новое Городовое положение. Состав думы сократился до 160 гласных, еще 32 человека избирались кандидатами. С введением высокого имущественного ценза избирателей становилось еще меньше. Поскольку это были

⁵⁴ Выбор места, вероятно, был продиктован близостью Горячего поля, как называли свалку за городскими бойнями. Вывозимые туда отбросы и навоз «прели, разлагаясь, курились, над полем стоял туман, зловонный и густой. <...> От разложения отбросов там было тепло», и там во множестве ютились городские парии. – См.: Засосов Д. А., Пызин. В. И. Из жизни Петербурга 1890 – 1910-х годов. С. 93.

⁵⁵ Об обжорном ряде Никольского рынка см.: Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга : Очерки столичной жизни. Л., 1994. С. 147 – 152.

⁵⁶ Пб. газета. 1894. 5 января. С. 1.

⁵⁷ Комплекс зданий возведен в 1896 – 1900 гг., архитекторы П. Ю. Сюзор и А. П. Максимов; совр. адрес: Никольская пл., 1, к. 2; 1б. См.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : Справочник / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 293. О судьбе сооружения в наши дни см.: Ратников Д. Благословили на снос // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 21 окт. С. 1. На Забалканском проспекте ночлежный дом (совр. адрес: Московский пр., 89. Арх. П. Ю. Сюзор) был построен в 1909 – 1910 гг. на средства жены действительного статского советника Бузовой «в память ее покойного брата, бывшего товарища городского Головы А. Е. Прокофьева» (1899. № 13. С. 1029; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. С. 294).

состоятельные люди⁵⁸, деление на разряды отменили. Интерес к выборам 1893 г. был слабым, и избрано было только 55 человек, из них «29 гласных, принадлежащих к списку “новодумской партии”»⁵⁹. Для начала работы думы требовалось иметь не менее двух третей общего состава, и недостающее число Высочайшим указом – а новый закон это позволял – было пополнено гласными прежнего избрания «по старшинству полученных ими избирательных голосов на прежних выборах» (1893. № 18. С. 687). В этой думе С. Н. Худеков проработал недолго. Письмом от 22 декабря 1893 г. он уведомил городского голову о сложении с себя звания гласного (1894. № 2. С. 205 – 206). Добровольность службы позволяла гласным в любой момент по собственной инициативе сложить с себя полномочия.

В декабре 1897 г. прошли выборы на следующее четырехлетие (с 1898 г.). Предыдущий парламентский срок склонил симпатии избирателей к новодумской партии, и из 144 избранных гласных 91 оказался ее представителем⁶⁰. С. Н. Худеков, за плечами которого был опыт уездного предводителя дворянства, занял в ней видное место. По иному стала освещать деятельность городского самоуправления и «Петербургская газета». В ней стало меньше критики, теперь она разъясняла те или иные решения, убеждая читателей в их правильности и своевременности. Автором многих подобных статей был Худеков.

Городовое положение 1892 года отражало изменившиеся взгляды правительства на общественное управление. В новом законе не было «даже декларативного признания» его «“самостоятельности” <...>. Каждый шаг фактически оказывался под контролем администрации. <...> Отныне городской голова, его товарищ и члены управы считались состоящими на государственной службе», а управа на деле становилась государственным учреждением⁶¹.

Во всей полноте это продемонстрировали выборы городского головы на четырехлетие с 1898 года. Из двух кандидатов, которых было положено избрать, «второго» всегда выбирали формально – он никогда не утверждался. И в этот раз избранного «первым» церемониймейстера Высочайшего двора графа В. А. Мусина-Пушкина (прошедшего в думу по новодумскому списку) считали уже действующим городским головой, когда на эту должность к крайнему общему недовольству был назначен второй кандидат, старшина петербургского купеческого сословия, потомственный гражданин, торговец мехом, купец первой гильдии П. И. Лелянов, прежде ничем себя в думе не проявивший.

При Лелянове отношения между думой и управой осложнились. Важные отрасли городского хозяйства находились в ведении городской думы, вернее – ее исполнительных комиссий. «Городской голова попытался изменить сложившуюся в Петербурге практику <...> и таким путем существенно ослабить влияние гласных

⁵⁸ Теперь это были владельцы недвижимым имуществом, «обложенным оценочным в пользу городского поселения сбором и стоящем <...> не менее трех тысяч рублей» или держатели в пределах города торгово-промышленных предприятий, обладающие свидетельством купца первой гильдии (1892. № 24. С. 17 – 18). Не входящие в этот круг могли стать избирателями, если имели доверенность. С. Н. Худеков к этому времени уже был владельцем двух особняков.

⁵⁹ Пб. газета. 1893. 29 апр. С. 2. Несмотря на официальный запрет на предвыборную агитацию, она велась очень активно.

⁶⁰ См.: Итоги выборов // Пб. газета. 1897. 23 дек. С. 3.

⁶¹ Петербургская городская дума. С. 24 – 25.

на городское хозяйство»⁶². Не отличался Лелянов и умением вести собрания. По журналам заседаний, опубликованным в «Известиях думы», видно, как часто теперь гласные грешили пустословием, отклонялись от темы, отчего прения неоправданно затягивались. При этом новый городской голова позволял себе своевольно трактовать установленные думой правила ведения собрания, чем давал повод обвинять его в самоуправстве. Такие заседания обычно заканчивались скандалом: гласные прибегали к демаршам, Лелянов лишал их слова и до времени закрывал заседание.

Иным стилем ведения заседаний отличался С. Н. Худеков, избранный 10 марта 1899 г. председательствовать в думе в случаях, указанных в статье 120 Городового положения 1892 года (1899. № 13. С. 949)⁶³. О деловой обстановке, царившей во время этих заседаний, говорит немногословность описания их в журналах. Свидетельством этому и отдельные стенограммы, опубликованные в «Известиях думы» (напр.: 1899. № 41. С. 1730 – 1786, 1832 – 1910).

Очевидное несовершенство реформы 1892 г. подтолкнуло власти к подготовке новой. По этой причине полномочия гласных, избранных на четырехлетие с 1898 г., были продлены «на срок, впредь до предложенного преобразования городского управления» (1901. № 35. С. 318). В результате дума проработала шесть лет, что предоставляет нам для анализа большее количество эпизодов, связанных с именем Худекова.

Кроме участия в обсуждениях, он по-прежнему вносил в думу предложения, касающиеся разных сторон городской жизни. По предложению Худекова, обоснованному частыми жалобами населения, было признано необходимым регулярно (а не от случая к случаю, как ранее) производить осмотр булочных и представлять думе отчеты об этих осмотрах. В постановлении по устройству и содержанию парикмахерских под влиянием Худекова появился пункт, обязывающий по мере надобности, но не менее двух раз в год очищать и дезинфицировать помещение парикмахерской, мебель и все предметы в ней. Он предложил установить в разных частях города уличные часы и термометры, что в конечном счете и было сделано. Гласный инициировал создание городской типографии и возглавил соответствующую подготовительную комиссию.

К заслугам Худекова можно добавить и приобретение городом телефонной сети.

По окончании контракта с международной компанией Белла телефонные сети Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы и Риги переходили в собственность казны. Частным образом узнав, «что телефонное дело в Петербурге будет с торгов сдано тому лицу, которое предложит наименьшую цифру за право пользования ежегодным абонементом», Худеков 22 мая 1900 г. подал на имя городского головы заявление, зачитанное 24 мая. В нем предлагалось выступить управе «в числе конку-

⁶² Там же, С. 435.

⁶³ «Ст. 120. Голова, его товарищ или помощник головы и члены управы, <...> а равно все прочие лица, занимающие должности по городскому общественному управлению, должны устранять себя от участия в решении думой возбужденных об их действиях вопросов, а также не участвуют в постановлении определений о назначении содержания по занимаемым ими должностям и о последствиях ревизии отчетов управы. При разрешении исчисленных выше дел и вопросов, в думе председательствует лицо, избранное ею для сего из среды гласных и утверждаемое: в столицах – министром внутренних дел, а в прочих городских поселениях – губернатором». (1892. № 24. С. 48).

рентов на торгах, с тем, чтобы, по рассмотрении этого вопроса во всех его подробностях, ей дано было бы полномочие думы предъявить за годовой абонемент такую цифру, которая, без ущерба для городской кассы, представила бы обывателям возможно большие льготные условия для пользования этим устным способом сообщения, сделавшимся предметом насущной потребности» (1900. № 21. С. 1830)⁶⁴.

При официальном объявлении торгов общественное управление получило разрешение в них участвовать. В ходе активной подготовки городской голова собирал частные совещания, проходившие «под покровительством глубочайшей тайны»⁶⁵. Специальная комиссия при участии Худекова за час или два до начала торгов в кабинете городского головы определяла настоящую цену, взяв обязательство не покидать кабинета «впредь до получения от г. городского головы или его заместителя сообщения о том, что подача запечатанного пакета с объявленной ценой состоялась в установленном порядке» (1900. № 43. С. 2099). В результате город стал владельцем телефонного предприятия. «Петербургская газета» от 8 ноября с удовлетворением писала: «С будущего года прибыли от телефонов не будут более утекать в Америку, а будут оставаться в России. <...> Дума сослужила добрую славу всем обывателям, для которых быстрое устное сообщение явилось предметом первой необходимости <...> При плате вместо 250 рублей только 55 руб. можно ожидать удешевления числа абонентов».

Одна из нескольких комиссий, в которых успевал работать Худеков, занималась судьбой Каменноостровского проспекта.

Ширины его проезжей части – около 4 сажений, т. е. немногим более 8,5 метров – для свободного движения экипажей было недостаточно. Зимой, из-за сугробов снега метровой высоты по сторонам проспекта, эта ширина сокращалась почти вдвое. Экипажи часто опрокидывались, останавливаясь у подъездов домов было затруднительно из-за конки, вагоны которой проходили каждые пять минут. «Кроме того, живущие в домах на проспекте <...> принуждены жить с завешанными окнами во вторых этажах во избежание заглядывания с вагонов, проходящих от домов на расстоянии около сажени» (1899. № 37. С. 1122 – 1123)⁶⁶. Необходимо было расширить проспект, и время торопило: Петербургская сторона застраивалась, земля стремительно дорожала.

На первом обсуждении 17 июня 1898 г. дума постановила добавить с каждой стороны проспекта по пяти сажений (ок. 10,7 м), но министр внутренних дел нашел это решение неподготовленным и «неисполнимым с финансовой точки зрения». Он предложил не трогать ширину проспекта, а перевести конку на соседние улицы, а также ограничить высоту строящихся здесь зданий семью саженьями (ок. 14,9 м). Одни гласные в усмотрели в этом «стеснение собственников в праве распоряжения их имуществом», а другие были уверены, «что ограничение высоты строений вызывается по преимуществу соображениями санитарного благоустройства столицы» и перед «общегосударственными соображениями интересы частных обывателей должны отойти на задний план» (1899. № 32. С. 335).

Доклад «Об уширении Каменноостровского проспекта», представленный к заседанию 13 ноября 1899 г. специальной подготовительной комиссией, возглавляе-

⁶⁴ В тот же день аналогичное представление было сделано комиссией по надзору за освещением столицы. Вопрос этот назвали столь безотлагательным, что включили его в дополнительную повестку ближайшего же заседания.

⁶⁵ Под думской каланчей. Совещательное собрание гласных // Пб. газета. 1900. 14 окт. С. 2.

⁶⁶ Сажень равнялась 2,1336 м.

мой С. Н. Худековым, был опубликован в «Известиях Санкт-Петербургской городской думы» (1899. № 37. С. 1121 – 1134)⁶⁷. Вариант переноса конки был комиссией отклонен – тогда ближайшие улицы также пришлось бы расширять с неизбежными затратами «по отчуждению частных имуществ» – и комиссия приступила к вопросу урегулирования ширины магистрали. Когда весь проспект от начала до конца «был лично осмотрен и даже отчасти измерен и расценен гг. членами комиссии» – каждым отдельно, с тем, чтобы потом согласовать результаты, – то оказалось, «что для немедленного урегулирования проспекта на пять саженей с каждой его стороны потребуется до шести миллионов рублей». Было предложено «уширение проспекта на три сажени с правой стороны», «которая еще не совсем застроилась, и постройки которой представляют меньшую ценность сравнительно с левой». Комиссия предложила делать это «постепенно, проведя черту будущего отчуждения и ожидая, пока владельцы стоящих на ней домов сами приступят к их сломке, или же пустопорожние земли начнут застраиваться». Норму высоты зданий, по мнению комиссии, следовало вводить независимо от вопроса о ширине проспекта, «но не в виде определенной величины в 7 саж., а в виде правила, по которому высота зданий не должна превышать величины расстояния от его лицевого фасада до середины проспекта, считая высоту от поверхности тротуара до начала крыши, причем мансарды во внимание приниматься не должны».

И еще комиссия, в заботе «о наружной красоте города», посчитала «желательным и своевременным» придать Каменноостровскому проспекту, соединяющему центр города «с одной из живописнейших его частей, островами <...>, возможно более красивый вид с широкими тротуарами, электрическим трамваем посередине, несколькими площадями и двумя проездами для движения экипажей».

При обсуждении доклада в заседании 26 января 1900 г. все предложения комиссии были думой приняты. Но у управы были свои варианты урегулирования, и вопрос пошел гулять «по разнообразнейшим канцеляриям, чтобы возвратиться в думу для дополнительных и новых соображений» лишь в 1904 г., когда проспект уже основательно застроился, да и стоимость земли в три раза увеличилась. Худеков и его сторонники по-прежнему настаивали на немедленном решении проблемы, поскольку через десятки лет это «обойдется <...> не в три-четыре, а в десятки миллионов», но дума проголосовала против⁶⁸.

Часть доклада, в которой говорится о необходимости позаботиться «о наружной красоте города», воспринимается самостоятельным заявлением: «Петербург в этом отношении сильно отстал от столиц других государств, а между тем, потребность в его наружном украшении должна считаться также одной из не последних задач городского благоустройства, которую оставлять без внимания не следует. <...> Всякое общественное управление должно поощрять развитие всего, что способствует украшению города; к столице же требования этого рода должны быть предъявляемы еще строже, чем к другим городам» (1899. № 37. С. 1130).

Случайно или нет, но вскоре после этого градоначальник обратил внимание городской управы на то, «что многие из существующих и вновь вводимых в Петербурге частных и общественных зданий в отношении внешнего вида страдают отсутствием вкуса и не соответствуют условиям красоты и общей цельности впечат-

⁶⁷ Ниже доклад цитируется по этой публикации.

⁶⁸ Каменноостровский проспект. (Заседание думы 20 октября) // Пб. газета. 1904. 22 окт. С. 3.

ления, которые должны быть предъявлены к зданиям столицы»⁶⁹. Однако возможности управы были ограничены, она лишь наблюдала за соблюдением строительного устава. По Высочайшему повелению от 9 апреля 1898 г. утверждения требовали только планы фасадов в центральной части Невского проспекта, на Большой Морской улице и набережной Невы, в остальных частях города все предоставлялось усмотрению домовладельцев-застройщиков.

В заседании 10 октября 1901 г. под председательством С. Н. Худекова управе было предложено «для составления проектов городских сооружений приглашать лиц, составивших себе имя на этом поприще, или привлекать их при посредстве конкурса», а также, подобно тому, как это заведено Парижским муниципалитетом, «ежегодно назначать несколько премий из городских средств для выдачи их строителям, воздвигнувшим наиболее красивые по фасадам здания в городе, хотя бы то были и частные постройки» (1901. № 44. С. 2168 – 2169).

Это последнее предложение, сделанное персонально Худяковым, было утверждено думой и сыграло большую роль. «Уже одно только постановление думы выдавать премии заставило и архитекторов, и капиталистов, строящих каменные палаты, сильно подтянуться <...>, – писала «Петербургская газета», – выросло много роскошных домов, вполне удовлетворяющих эстетическим требованиям и вкусам. <...> Архитектору приятно получить золотую медаль, как осязательное доказательство его не только строительного, но и художественного дарования. Помимо всего этого, медаль представляет еще и довольно крупную ценность... <...> В худшем несколько положений находится домовладелец премированного дома: ему выдается не медаль и не премия, а диплом на получение медали. <...> Домовладелец никогда не потеряет оттого, что он переплатил пять-шесть тысяч рублей за придание своему дому более эстетического вида: во-первых, в премированном доме найдется гораздо больше охотников жить, а во-вторых – расценка квартир может быть выше обыкновенных домов»⁷⁰.

С. Н. Худеков избирался от города в Губернское по земским и городским делам присутствие и дважды за исследуемый период, в 1898 и 1901 гг., в губернское земское собрание. Здесь ему очень пригодился опыт уездного предводителя дворянства. Вопросы отношений Петербурга и губернского земства требовали разработки, и Худеков инициировал создание соответствующей подготовительной комиссии, войдя в ее состав. Кроме того, он был избран председателем подготовительной комиссии, занимавшейся вопросом присоединения к столице четырех пригородных участков, уже подчиненных городской полиции: Шлиссельбургского, Петергофского, Лесного и Полюстровского, а также Охты, которую выделяли особо.

В 1884 г. Государственный совет принял решение о присоединении Охты к городу по окончании строительства моста через Неву. Поэтому доклад по этому вопросу был подготовлен комиссией отдельно и представлен 4 мая 1902 года (1902. № 13. С. 925 – 966)⁷¹. Он открывался кратким очерком истории Охты и ее отношений с городом. Перед комиссией не стояла задача давать заключение о возможности присоединения Охты. Ей надлежало предоставить «основания, на которых следует присоединение Охтенского пригорода к гор. С.-Петербургу, с приведением точных сведений о составе и происхождении принадлежащих Охтенскому общест-

⁶⁹ Красота зданий Петербурга // Пб. газета. 1900. 29 авг. С. 2.

⁷⁰ Новый. Премированные дома // Пб. газета. 1906. 28 сент. С. 2.

ву недвижимых имуществ и капиталов, их назначении, способах пользования оными, сборах на общественные надобности, поступающих с пригородных жителей, и о размерах налогов, которым они будут подлежать по присоединении названного пригорода к столице, а также о том, насколько должны увеличиться, вследствие осуществления сей меры, сборы, взимаемые за право содержания на Охте торговых и промышленных заведений». Комиссия выполнила свою задачу, но в заключение сочла нужным честно отметить: слияние Охты со столицей после открытия моста повлечет за собой «быстрый рост пригорода, что вызовет новые расходы на его благоустройство, расходы, которые никогда не будут соответствовать поступлению доходов. <...> Несомненно, что переходящие в ведение города охтинские земли могут со временем, возрастая в цене, возмещать отчасти городские затраты, но это вопрос будущего; в настоящее же время, как видно из приведенных расчетов, прямой денежной выгоды для городской кассы от присоединения пригорода не представляется».

Худеков принимал активное участие и в обсуждениях места строительства Охтинского моста: по поводу его направления было много споров и предложений. Когда после многих ранее принятых и отклоненных решений выбрали направление от Пальменбахской на Алексеевскую улицу, Худеков предложил не рассматривать более никаких других ходатайств и остановиться на выбранном варианте. «Чьи интересы должна иметь в виду Дума, делая постановления, – общие или частные? – говорил он, – Конечно, общие. <...> Если теперь Дума решит построить мост на Большую Охту, то моста на Малую Охту город <...> никогда не дожидется. Между тем, городу следует заботиться о будущем, а не увлекаться интересами момента или минуты. Будущее же города заключается в развитии его в сторону Малой Охты, имеющей много свободных земель»⁷². Гласные согласились с Худековым, и это решение было принято.

Вопрос о присоединении Лесного, Полюстровского, Петергофского и Шлиссельбургского пригородных участков был поставлен перед думой Государственным советом еще в 1880 году. Доклад, представленный комиссией 19 мая 1903 г., был столь же обстоятелен, как и по Охте (1903. № 15. С. 1053 – 1123)⁷³. Подробно проанализировав состояние пригородных районов, комиссия пришла к выводу, что их присоединение для города обременительно. «Смета городских доходов и расходов ежегодно балансируется думой с немалым затруднением, <...> на нужды городских окраин не представляется возможным уделять того внимания, которого они <...> по справедливости заслуживают <...> В виду этого, комиссия полагает, что на обязанности города прежде всего должна быть забота о приведении в порядок той его обездоленной части, которая на то имеет законное право, и только по исполнении этих обязанностей городом можно будет производить не возмещаемые доходами расходы на не принадлежащие к нему пригороды».

Управа в своем докладе пришла к тому же мнению. И так как он обсуждался 8 октября 1903 г., то собрание «ввиду близкого окончания срока полномочий городской думы» не стало «брать на себя решение важных и сложных возникающих в настоящем деле вопросов» и предпочло «отложить рассмотрение настоящего дела впредь до организации думы в новом ее составе» (1903. № 36. С. 1144 – 1145).

⁷¹ Ниже доклад цитируется по этой публикации.

⁷² Пб. газета. 1902. 27 сент. С. 2.

⁷³ Далее доклад цитируется по этой публикации.

Значительным было участие С. Н. Худекова в подготовке к празднованию 200-летия основания Петербурга: 14 октября 1898 г. он был избран в юбилейную комиссию, которую возглавил городской голова П. И. Лелянов.

Долгое время работа комиссии была малозаметна, и это вызывало беспокойство гласных. «До сих пор еще ничего не сделано, не намечена даже в общих чертах программа празднования», – писала «Петербургская газета» 9 мая 1900 г. по поводу всего второго за два года заседания комиссии.

В этом заседании Худеков высказал идею устройства юбилейной выставки и создания на ее основе городского музея⁷⁴, а через полгода, на следующем заседании, представил проекты и того, и другого. «Петербургская газета» 23 декабря 1900 г. отметила: «Из всех вопросов, рассмотренных в этом заседании комиссии и имеющих характер новизны, наибольшее внимание остановил на себе вопрос об устройстве выставки, наглядно иллюстрирующей жизнь Петербурга в его прошлом и настоящем. На обязанности города должно лежать собрание всех памятников старины, касающихся внешнего развития города, во всех главнейших отраслях его жизни. Эта выставка, интересная сама по себе, должна послужить началом основания постоянного городского исторического музея». Проект был встречен «полным сочувствием всей комиссии», но на следующем заседании 26 ноября 1902 г. предложение Худекова было признано «неосуществимым, ввиду громадности затрат, какие вызвало бы устройство такой выставки, при условии, конечно, придания ей подобающих достоинству столицы размеров». В то же время отмечалось, что «мысль об устройстве в будущем городского музея не должна быть все-таки оставлена, и <...> при постройке нового здания для Думы в этом здании должно быть отведено соответственное помещение» и для него⁷⁵. Доклад «О способах чествования в 1903 году двухсотлетия основания города С.-Петербурга», готовый к заседанию 26 ноября, был опубликован в одном из декабрьских номеров «Известий» (1902. № 36. С. 1467 – 1548).

С этого времени по предложению Худекова заседания комиссии стали ежедневными⁷⁶, и он участвовал в обсуждении практически всех вопросов. В частности, по его инициативе на празднование были приглашены представители городских управлений «как русских, так и иностранных городов, преимущественно тех, которые посещались Петром Великим», а также «редакторы-издатели <...> толстых (ежемесячных) журналов» (1903. № 9. С. 1684)⁷⁷.

На заседании 2 апреля 1903 г. С. Н. Худеков представил программу увеселений на народных гуляниях, которую он составил совместно с Комитетом попечительства о народной трезвости, членом которого состоял. «Программа вполне отвечает народным вкусам. Между прочим, предполагается постановка исторических

⁷⁴ Подробнее см. доклад комиссии (1900. № 17. С. 1054 – 1058).

⁷⁵ Больше фамилия Худекова в связи с этим проектом не упоминалась. На время его сменила идея городского исторического музея гласного И. А. Шульца, который предложил собирать воедино и экспонировать поздравительные адреса, подарки, преподнесенные по разным случаям городу, элементы праздничных украшений, различные проекты и документы, – словом, все то, чем располагала сама дума. Обсуждалось это вплоть до появления проекта создания Музея старого Петербурга, предложенного обществом архитекторов-художников.

⁷⁶ См.: Пб. газета. 1903. 19 янв. 1903 г. С. 2.

⁷⁷ См. также: Пб. газета. 1903. 19 янв. С. 2; 12 мая. С. 2.

пьеc и картин из Петровской эпохи. <...> Вход на гуляния будет бесплатный»⁷⁸. Как сообщается в той же «Петербургской газете», Худеков на этом заседании «известил юбилейную комиссию, что текст юбилейной кантаты и музыка готовы, причем автор текста не пожелал взять никакого вознаграждения за свой труд». Об оркестре в 600 человек «для исполнения этой кантаты в честь Державного Основателя во время торжеств у памятника Петру I», по мнению Сергея Николаевича, должен был позаботиться город. В этот же день была рассмотрена программа юбилейных состязаний, организация которых, кроме гонок гребных судов, также была возложена на Худекова, равно как и «труд выбора и приобретения призов».

На Знаменской площади предполагалось поставить «только арку и панно, изображающие Петра Великого в момент спасания рыбаков на Лахтинском побережье», но затем остановились на идее о трех художественных панно. Темы двух из них предложил Худеков. На одном был изображен «унылый финский ландшафт: топкое болото, низкий берег Невы, сосновый лес – это момент, предшествующий основанию Петербурга». На другом – «раскинувшийся огромный город, с величественными памятниками, храмами, с рекой, одетой в гранит, и т. д. То Петербург в его современном виде». «Много ценных указаний» дал Худеков и «по украшению Михайловской улицы»⁷⁹.

Праздничные торжества по случаю 200-летия основания Санкт-Петербурга начались 16 мая 1903 года. Полное представление о них дают репортажи «Петербургской газеты».

* * *

Выборы 1903 года проходили уже по новому Городовому положению. Худеков вновь оказался в думе. Изучение этого периода его деятельности еще предстоит.

И несколько слов в заключение.

В последнее время многое делается для того, чтобы имя героя этой статьи не было забыто. В селе Ерлино создан историко-культурный, природно-ландшафтный музей-заповедник «Усадьба С. Н. Худекова». Открыт музей и в бывшем его Сочинском имении. И в Ерлине, и в Сочи Худекову установлены памятники. Создан Рязанский региональный общественный фонд имени С. Н. Худекова, поставивший своей целью сбор, хранение, изучение и публикацию материалов, связанных с его жизнью и творчеством, восстановление музея-усадьбы и сохранение его архитектурной, природной и исторической целостности. Могила Сергея Николаевича на Никольском кладбище была утрачена. Поиск места захоронения стал одной из первоочередных задач фонда, и эту задачу удалось решить при содействии Государственного музея городской скульптуры и Северо-Западного регионального производственного центра геоинформации и маркшейдерии. На добровольно собранные средства в Рязани изготовили памятник, доставили его в Петербург и установили на месте захоронения. Памятник был торжественно открыт 25 июня 2010 года. 28 октября в Скопине также торжественно был открыт памятный крест на месте захоронения Надежды Алексеевны. В ходе церемонии на ее могилу была брошена горсть земли с могилы Сергея Николаевича.

⁷⁸ Пб. газета. 1903. 3 апреля. С. 3.

⁷⁹ Пб. газета. 1903. 9 апреля. С. 2.